

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОНЕВОДСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Шамсиддин КАМОЛИДИН*

ON THE DEVELOPMENT OF HORSE-BREEDING IN CENTRAL ASIA IN THE MEDIAEVAL AGE

Summary

This article focuses on the development of horse breeding in Central Asia in the Mediaeval Ages. As it is known, on the eve of the Arab conquest, Central Asia was inhabited by the Sogdians, Bactrians, Khorezmians and the Turkic people. Indeed, the Turks had a political power in the Ancient Turkic Khanate and they inhabited whole Central Asia, from steppes to mountains, from towns to villages. Horse was important for most of the people living in Central Asia, but it had a special place among the Turkic people. For instance, among all people living in Central Asia in the Middle Ages, the Turks were the only people eating horse meat. Moreover, according to the Chinese sources, the Turks had a tradition of sacrificing the horse. Furthermore, Arabic sources have also emphasized the importance of horse meat in the Turkic culture. For instance, Ibn Fadlan recorded that the Oghuzs had a tradition of burying a person together with his/her horse. In sum, this article underlines the place of “horse cult”, that is, material and spiritual importance of the horse in the Turkic culture, history and everyday life.

Накануне арабского завоевания основную часть населения Средней Азии составляли согдийцы, хорезмийцы и бактрийцы, а также тюрки, которым принадлежала политическая власть в Тюркском каганате. Тюрки были расселены по всей территории Средней Азии как в горных и степных районах, так и в городах и селениях. В эпоху раннего средневековья шел ненасильственный и естественный процесс этнокультурного взаимосближения и ассимиляции этих народов,¹ являвшийся результатом сложных и длительных про-

---

* Д.и.н., проф., руководитель научного проекта, Института истории АН РУз, Ташкент, Узбекистан.

¹ Этот процесс сопровождался с одной стороны взаимными миграциями: тюрков на юг, а согдийцев и хорезмийцев – на север, северо-восток и северо-запад, а с другой стороны – смешанными браками не только на уровне высшей знати, но и в среде простого народа.

цессов их этнокультурного взаимовлияния. Точнее протекала завершающая стадия этого процесса, продолжавшегося в течение около двух тысячелетий, и наиболее интенсивно происходившего начиная со II в. до н.э., когда Средняя Азия после продолжительного периода господства иноземных завоевателей² вновь была включена в ареал распространения центрально-азиатских культур. В результате этих процессов к эпохе раннего средневековья ирано-язычные народы Средней Азии уже в значительной степени были тюркизированы. В свою очередь, тюрки, проживавшие среди ирано-язычных народов, принимали их религию, культуру и язык, и по своим внешним признакам мало, чем от них отличались.

Арабское завоевание, несомненно, оказало влияние на этническую ситуацию в Средней Азии и привело к некоторому сокращению местного, в т.ч. и тюрко-язычного населения в результате массового истребления³ и вынужденного переселения части местного населения, согдийцев и тюрков, за пределы Арабского халифата⁴ и заселения на их место вновь прибывших переселенцев и колонизаторов арабского и персидского происхождения⁵. Значительные миграции населения из Ирана в Среднюю Азию имели место еще во второй четверти VII в., когда арабы завоевали Иран, вследствие чего часть населения Сасанидской державы переселилась в страны Востока – Индию, Среднюю

² Имеются в виду Ахеменидские персы (VI – V вв. до н.э.) и греко-македонцы Александра Великого (IV – III вв. до н.э.).

³ В 91/709 – 10 г. Кутайба ибн Муслим только за один день убил в Тохаристане 12 тысяч тюркских военнопленных. В 98/716-17 г. арабский военачальник Йазид ибн ал-Мухаллаб после завоевания области Джурджан в Хорасане, перебил здесь за один день 14 тысяч, а по другим данным, 40 тысяч тюркских военнопленных. См.: История ат-Табари. Избранные отрывки / Перевод с арабского В.И.Беляева. Дополнения к переводу О.Г.Большакова и А.Б.Халидова. Ташкент: Фан, 1987. С. 125 – 130; 165 – 170. Завоевав Хорезм, Кутайба ибн Муслим убил там 4 тысячи, а по другим данным 400 тысяч военнопленных. См.: at-Tabari, Abu Djafar Mohammed ibn Djarir, Annales, ed. M.J. de Goeje, I – III series, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1964, ser. II, p. 1238 – 1239. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970. С. 265. Такими же массовыми убийствами военнопленных сопровождалась и походы арабов в другие области Средней Азии. Следует отметить, что все эти убийства совершались не во время военных действий, а уже после сдачи противника в плен, что свидетельствует о том, что они делали это намеренно.

⁴ В источниках есть многочисленные указания о том, что не только тюрки, но и часть согдийцев покидали свои земли и переселялись в Семиречье, Восточный Туркестан и Китай. См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. Под ред. Б.А.Литвинского. М.: Наука, 1992. С. 538.

⁵ Завоевав города, арабы заключали с местными жителями унижительные для них договоры, согласно которым, помимо выплаты чрезмерно высокой контрибуции, они должны были освободить для завоевателей половину города и предоставить арабским воинам половину каждого дома. См.: Смирнова О.И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. Договор арабского полководца Кутайбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г. // Советское востоковедение, 1957, № 2. С. 119 – 134; см. также: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Часть 1. М., 1963. С. 192; Муминов А. Роль и место ханафитских 'улама' в жизни городов Центрального Мавараннахра (II – VII/VIII – XIII вв.). Автореферат диссертации . . . доктора исторических наук. Ташкент, 2003. С. 108.

Азию и Китай, где в то время появились общины зороастрийцев⁶.

Если на западе арабские завоеватели строили для своих войск военные лагеря, некоторые из которых впоследствии превратились в города, то на востоке они стали селиться в уже существовавших городах среди местного населения⁷. Известно, что арабские завоеватели проводили активную колонизаторскую политику и заставляли жителей крупных городов, таких как Бухара, Самарканд, Кеш, Насаф и др., освободить половину города для арабских переселенцев, а в остальной части половину каждого дома для нужд колонизаторов⁸. Средняя Азия, бывшая ранее частью Туркестана, т.е. Западного Тюркского каганата, теперь рассматривалась в качестве продолжения Хорасана и получила название *Ма вара' ан-нахр*, т.е. «то, что за рекой»⁹.

Значительную часть войск арабских завоевателей и их администрации составляли их так называемые клиенты (*маула*) из числа принявших ислам иранцев, которые часто выступали в роли посредников между арабами и местным населением. Арабско-персидские колонизаторы проводили активную политику иранизации местного населения¹⁰. Между согдийцами и западными персами установились более тесное культурное общение, чем когда-либо раньше¹¹ и старана согдийцев стала называться также «верхним Ираном»¹² или «верхним Хорасаном»¹³. Эти процессы нашли свое отражение в сочинении Наршахи, который отмечает, что «в правление Кутайбы ибн Муслима (правил в 86 – 96/705 715 гг.) все города Мавераннахра были поделены между арабами и персами»¹⁴, а также в сочинении Махмуда Кашгари, согласно которому, «после того, как в городах Мавераннахра значительно возросло количество персов, они стали похожи на города 'Аджамы»¹⁵. Эти сведения подтверждаются и данными топонимических

⁶ Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М.: Наука, 1982. С. 146.

⁷ Бартольд В.В. Иран Исторический обзор / Сочинения в 9 томах. Т. 7. М., 1971. С. 363.

⁸ История ат-Табари. С. 141 – 142; Наршахий, Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи / Форс тилидан А.Расулев таржимаси, мухаррир А.Уринбоев. Тошкент: Шарк баёзи, 1993. С. 51 – 57.

⁹ Об употреблении терминов «Мавераннахр» и «Туркестан» в средневековых источниках см.: Камолиддин Ш.С. К вопросу об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан» // *O'zbekiston tarixi*, 2002, 4. С. 61 – 68.

¹⁰ Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций) // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Часть 1. М., 1963. С. 121.

¹¹ Бартольд В.В. Иран. С. 251.

¹² [Ibn an-Nadim], *Kitab al-Fihrist. Mit anmerkungen hrsg. von G.Flugel / Band I – II. Leipzig. 1871 – 1872, vol. 1, p. 18.*

¹³ Ибн ал-Факих. Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак ал-Хамадани / Факсимиле главы о Багдаде Мешхедской рукописи // Цкитишвили О.В. К истории города Багдада (Материалы к истории возникновения и развития феодального города на Ближнем Востоке). Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 56.

¹⁴ Наршахий. С. 120.

¹⁵ Кошгарий Махмуд. Туркий сўзлар девони (Девону-лугот ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960 – 1963. Т. 3. С. 164. Об

исследований, согласно которым, началом активного формирования западно-иранской (персидской) топонимии на территории Средней Азии был период арабского завоевания¹⁶.

Активная колонизаторская политика проводилась арабами преимущественно в Согде и южной части Тохаристана. В результате этой политики к середине X в. новоперсидский язык вытеснил согдийский язык в Согде и бактрийский – в Тохаристане. Что касается других областей, например, Хорезма, то он остался в стороне от этих процессов, поэтому в конечном итоге там был завершён протекавший многие века естественный и ненасильственный процесс ассимиляции ираноязычных хорезмийцев, которые ещё в XI в. продолжали говорить и писать на своем наречии¹⁷, с тюркоязычными хорезмийцами¹⁸, которые в XI в. имели свое самоназвание *кочат*¹⁹. Именно поэтому среди местного населения Хорезма уже в XII – начале XIII вв., так же как и в настоящее время, уже не было ирано-язычных пластов²⁰. По антропологическим данным, в X-XII вв. значительную часть населения Согда, УстрVIIIаны, Тянь-Шаня и Устюрта составляли люди с монголоидными чертами²¹.

Арабско-персидских колонизаторов в Средней Азии привлекали, в первую очередь, ее богатые запасы драгоценных металлов – золота и серебра. На территории Средней Азии в средние века отмечается наличие множества богатых рудников золота и серебра, крупнейшие из которых находились в горах Панджхира, Ваххана, Ферганы, Шаша и Илака, Буттама, Шелджи и Лобана. Самые богатые из этих рудников были те, которые находились

этом см. также: Bosworth С.Е. *The Ghaznavids, Their empire in Afghanistan and Eastern Iran (994-1040)*, Edinburgh: University Press, 1963, p. 207.

¹⁶ Хромов А.Л. Некоторые особенности формирования топонимики Средней Азии в IX – XIII вв. // *Ономастика Востока*. М., 1980. С. 136.

¹⁷ Сохранилось несколько документов на хорезмийско-иранском языке. См.: Фрейман А.А. *Хорезмийский язык*. Материалы и исследования, 1. М; Л., 1951; Бартольд В.В. *История культурной жизни Туркестана*. С. 122, 193.

¹⁸ Бартольд В.В. *История Туркестана*. С. 122.

¹⁹ Кошгарий. Т. 1. С. 338.

²⁰ Бартольд В.В. *Мусульманский мир* // *Сочинения в 9 томах*. Т. 6. М., 1966. С. 244. Хотя известны отдельные памятники хорезмийской письменности XII – XIV вв. (См.: Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // *СЭ*, 1964, № 2. С. 50 – 69; Лившиц В.А. Новые памятники хорезмийской письменности и некоторые проблемы истории Хорезма // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. ТД I годичной научной сессии ЛО ИНА. М., 1965. С. 18 – 21). Однако, эти надписи могли быть оставлены хорезмийскими тюрками, которые использовали хорезмийский язык в качестве письменного наряду с тюркским, который в начале XIII в. был государственным языком не только в империи хорезмшахов-Ануштегинидов, но также и в некоторых других странах, в которых господствовали тюрки (например в Египте). См.: Наджип Э.Н. *Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв.* М.: Наука, 1989. С. 244; Yuce N. *Harezmi Turkcesi*, in: *Turkler*, vol. 5, Ankara, 2002, p. 794; Sagol G. *Harezmi Turkcesi ve Harezmi Turkcesi ile Basilan Eserler*, in: *Turkler*, 5, Ankara, 2002, p. 804 – 813.

²¹ Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987. С. 22.

вблизи страны *хырхызов*. В этих же горах добывали также железо, медь, медный купорос, олово, ртуть и другие металлы²². В X в. в Мавераннахре отмечается такое изобилие железных месторождений, что излишки добывавшегося железа составляли основную часть внешней торговли. Что касается рудников золота, серебра и ртути, то по обилию и богатству с ними не мог сравниться ни один рудник во всем исламском мире²³. Среди товаров, взимавшихся с этих областей в 211 – 212/826 – 828 гг. наместником Хорасана ‘Абд Аллахом ибн Тахиром упоминаются 1300 штук лопат²⁴ и слитков железа в половинной доле²⁵.

Еще одним фактором, привлекавшим завоевателей в Среднюю Азию, были ее огромные людские ресурсы, что позволяло им вывозить отсюда дешевую рабочую силу, и в первую очередь, рабов. В Иране еще в период Ахеменидов (VI – V вв. до н.э.) была отмечена практика превращения пленных в рабов²⁶. Институт рабства существовал и в доисламском Согде²⁷. В тюркском обществе также рабство существовало еще в эпоху Тюркского каганата, когда основным источником рабской силы были межплеменные войны. Главной целью ведения таких войн тюрками было именно захват рабов (*qul*), и особенно, рабынь (*kun*), которых затем использовали в домашнем хозяйстве. В рабство обычно уводили только женщин и дев, мальчиков и юношей, а взрослых мужчин убивали²⁸. В Иране тюркские рабыни, как правило, пополняли гаремы, а молодые рабы исполняли должность виночерпия (*saki*). Арабско-персидские завоеватели, напротив, больше ценили взрослых рабов-мужчин. У пророка Мухаммада в конце жизни было около 20 рабов, 5 освобожденных рабынь и две наложницы²⁹.

В 93/711 г. хорезмшах обязался предоставить Кутайбе ибн Муслиму кроме денег и имущества 10 тысяч, а по другим данным, 100 тысяч голов (*pa'c*) рабов³⁰. Согласно договору, заключенному в 94/712 г. в Самарканде

²² al-Istakhri, Abu Ishak al-Farisi, *Viae regnorum*, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni-Bataavorum: E.J.Brill, 1967, p. С. 312 – 313, 327 – 328, 334.

²³ Ibn Haukal, Abu-l-Kasim an-Nasibi, *Opus geographicum*, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 2, Lugduni-Bataavorum: E.J.Brill, 1967, p. 464 – 465.

²⁴ Возможно, что под «лопатами» здесь имеются в виду *kuruk* – лопатка (совок) кузнеца, используемая для раскаленного железа. См.: Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. В 2-х томах. Ташкент, 1966. Т. 1. С. 629

²⁵ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н.Велихановой. Баку: Элм, 1986. С. 68.

²⁶ Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. С. 21.

²⁷ Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. С. 264

²⁸ Кляшторный С.Г. Социальное содержание терминов *qul* «раб» и *kun* «рабыня» в древнетюркских рунических памятниках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 1. 1983 – 1984. С. 168 – 170.

²⁹ Большаков О.Г. Рабство в странах халифата // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 427.

³⁰ at-Tabari, ser. II, p. 1238, 1240.

между Кутайбой ибн Муслимом и царем Согда Гураком, последний должен был предоставить ему 30 тысяч голов рабов, среди которых не должно быть ни детей, ни стариков³¹. В 104/722-23 г. жители Кеша, заключившие договор с Са'идом ал-Хараша, обязались предоставить ему 10 тысяч рабов³². В 121/738-39 г. Наср ибн Саййар получил в Фергане 30 тысяч голов рабов³³. Это было началом огромных поставок рабов Арабскому халифату, в результате чего институт рабства получил на Востоке широкое развитие³⁴.

Арабско-персидские завоеватели проводили в Средней Азии политику колонизации и не вели наступательных войн против тюрков. В старейших хадисах кочевые тюрки называются *бану кантура*, т.е. «люди юрты»³⁵. В одном из самых ранних хадисов (VII в.) приводится изречение пророка Мухаммада: «Оставьте (с миром) тюрков, пока они вас оставляют в покое» (*тараку ат-турк ма тараку-кум*). Поэтому мусульмане старались не воевать против тюрков, которые представлялись как очень сильные и опасные противники³⁶. Арабы действительно не вели «священной» войны (*джихад*) против тюрков и довольствовались политикой обороны от кочевников. Так же как китайцы и персы, арабы возводили оборонительные стены вокруг оазисов и городов, которые были затем разрушены не пиками воинов *джихада*, а копытами тюркских кочевников³⁷. В более поздних хадисах поощрялись походы в Мавераннахр. Так, передавали, что один из *асхабов* Ибн 'Уйайна говорил, что «провести одну ночь на матрацах за рекой Джайхун лучше, чем со благочестивых оправданий»³⁸. Город Самарканд называется в хадисах «хранимым городом» (*ал-мадина ал-махфуза*), потому что его и его жителей охраняют небесные ангелы³⁹. Тот, кто прочитал в Самарканде два *раката* молитвы, Аллах примет от него это как 70 *ракатов*, тот, кто молился в нем целую ночь, Аллах примет от него это как молитву в течение 60 лет, тот, кто соблюдал пост один день, это будет принято как один

³¹ Текст договора сохранился в сочинении Ибн ал-А'сама ал-Куфи и персидском переводе ал-Бал'ами, у которых число рабов указана 3 тысячи. Цифра 30 тысяч приюдится в сочинении ат-Табари и анонимной истории халифов XI в.. См.: Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. С. 208, 264; Смирнова О.И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. С. 122, 132.

³² at-Tabari, ser. II, p. 1448.

³³ at-Tabari, ser. II, p. 1691.

³⁴ Большаков О.Г. Рабство в странах халифата. С. 424 – 449.

³⁵ ас-Сам'ани, Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад. Ал-Ансаб // Изд. 'Абд ар-Рахмана ибн Йах'я ал-Му'аллими ал-Йамани. В 10 томах. Байрут: Мухаммад Амин Дамадж, 1981. Т.3. С. 43.

³⁶ Kodama ibn Djafar, Accedunt excerptae Kitab al-Kharadj, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 6. Lugduni-Bataavorum: E.J.Brill, 1967, p. 262.

³⁷ Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII – IX вв.) // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 196 – 198.

³⁸ ан-Насафи, Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад. Китаб ал-канд фи зикр 'улама' Самарканд / Изд. Назар Мухаммада ал-Фарйаби. Мадина: Мактабат ал-Каусар, 1991. No. 211.

³⁹ Там же. С. 488.

век, тот, кто накормил в нем одного бедного, в его дом никогда не войдет нищета, тот, кто умер в этом городе, он попадает прямо на седьмое небо»⁴⁰.

Когда арабы приблизились к границам Средней Азии они встретили здесь тюрков. Огромное войско *хакана* тюрков, выступившего по призыву царя Хутгала против Асада ибн 'Абд Аллаха в 117/735 г. свидетельствует о том, насколько власть арабов была еще слабой и о большой поддержке тюрков населением. Среди сторонников *хакана* были *йабгу* Тохаристана, *ихшид* Согда, *афшин* УстрВШпаны, цари Чача и Хутгала⁴¹.

В IX-X вв. в отдельных годах и областях, подвластных Саманидам, правили местные тюркские династии. Так, в Исфиджабе правила династия карлукских правителей Муттидов⁴². В Чаганиане правила династия Мухтаджидов, родоначальник которой, Мухтадж, был потомком *чаган-худатов*, династии доисламских тюркских правителей Чаганиана⁴³. Один из последних представителей династии Мухтаджидов по имени Музаффар имел тюркский титул *кыйа*⁴⁴. Кеш был владением военачальника и *хаджиба* Бектузуна, который оставался владельцем Кеша и при Караханидах⁴⁵. В Илаке правила династия местных тюркских *дихкан*⁴⁶. В Чаче также правили династии тюркских правителей с титулами *тудун* и *тегин*, сохранившие свою власть с доисламского времени⁴⁷.

В IX-X вв. в различных городах и областях Тохаристана правила представители династии Баничуридов⁴⁸, родоначальник которой, Баничур, был младшим сыном царя Согда Гурака⁴⁹. Приход к власти этой династии, так же как и Саманидов, был связан со службой в военно-политической структуре Аббасидского халифата. Хашим ибн Баничур в 218/833 г. при халифе ал-

⁴⁰ Там же. С. 131, 505 – 506.

⁴¹ Shaban M.A. The 'Abbasid Revolution, Cambridge: University Press, 1970, p. 124 – 125.

⁴² Кочнев Б.Д. Караханидские монеты. Источниковедческое и историческое исследование. Автореферат диссертации . . . доктора исторических наук. М., 1993. С. 25, 36; Кочнев Б.Д. Монеты с упоминанием Муттидов. – владельцы Испиджаба (X – XI вв.) // ТД Всероссийской нумизматической конференции. Вологда, 1993. С. 17 – 20..

⁴³ E. de Zambaur, Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam avec 20 tableau genealogiques hors texte et 5 cartes, Hanovre: Librairie Orientaliste Heinz Lafaire, 1927, p. 204.

⁴⁴ Слово *кыйа* в иранских языках означает «господин, владыка». См.: Ртвеладзе И.В. К истории Саганиана. С. 52. Но в X – начале XI вв. титул *qaja/qija* (*кыйа*) носили также бешбалыкские уйгуры. См.: Тугушева Л.Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВ АН СССР. С. 245, 255

⁴⁵ Кочнев Б.Д. С. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 4 (Караханиды) // ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1982. С. 152 – 157.

⁴⁶ Федоров М.Н. Об одной группе караханидских монет 388 – 404 гг.х. // Эпиграфика Востока, вып. 20. Л., 1971. С. 85 – 89.

⁴⁷ Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Ташкент: Фан, 2005. С. 197 – 208.

⁴⁸ E de Zambaur, Manuel de Genealogie, p. 202.

⁴⁹ Камолитдин Ш.С. Новые данные о потомках доисламского царя Согда Гурака // Общественные науки в Узбекистане. 2003, № 3. С. 63 – 68.

Му‘тасиме был назначен военачальником армии для борьбы со сторонниками Бабека (*хуррамитами*) в ал-Джибале, от которых он потерпел поражение⁵⁰. Он упоминается среди военачальников Хорасана, принимавших участие в строительстве дворцового комплекса в Самарре⁵¹. Его брат Давуд ибн Баничур в 821 г. был назначен наместником Южного Ирана, Бахрейна и Йамамы⁵². Сын Хашима ал-‘Аббас находился под начальством ‘Абд Аллаха ибн Тахира и в 211/826-27 г. был назначен наместником в Фустате⁵³. В качестве награды за службу ему были пожалованы Вахш и Халавард, а также Шуман⁵⁴. Согласно ал-Балазури, Хашим ибн ал-М . . . джур (Баничур) имел нисбу ал-Хуттали и был правителем всего Хуттала⁵⁵. После его смерти в 243/858 г. власть в Хуттале наследовали другие члены семейства Баничуридов. Его брату, Давуду ибн Баничуру, вероятно, был пожалован Балх, так как в 233 – 259/847 – 872 гг. там правил его сын Давуд ибн ал-‘Аббас. После его смерти власть в Балхе перешла к Абу Давуду, который был сыном Ахмада ибн Баничура, брата Хишама⁵⁶. Абу Давуд значительно расширил свои владения и в 279/892-93 г. ему принадлежали Тохаристан, Джузджан, Хутгал и Термез⁵⁷.

Город Йуз в Хутталане принадлежал Хатиму ибн Давуду ибн Баничуру⁵⁸. Бадахшан был владением (ал-мамлака) некоего Ибн ал-Фатха⁵⁹. Возможно, что он был из потомков известного тюркского военачальника ал-Фатха ибн Хакана. Правителем Балха в 233 – 253 гг. был Давуд ибн ал-‘Аббас ибн Хашим ибн Баничур⁶⁰, а в 260 – 265 гг. Абу Давуд Мухаммад ибн Ахмад, которому в 279 г. принадлежали также Тохаристан, Джузджанан, ал-Хутгалан и Термез⁶¹. Преемником Абу Давуда был Абу Джа‘фар Ахмад ибн Мухаммад, чеканивший монеты в Балхе (292 г.), Андарабе (288, 290, 292 –

⁵⁰ al-Jakubi, *Ibn Wadhīh qui dicitur, Historiae, pars I – II*, ed. M.Th.Houtsma, Lugduni-Batavorum; E.J.Brill, 1883, 11, p. 561

⁵¹ al-Jakubi, *Ahmad ibn Abi Jakub ibn Wadhīh al-Katib, Kitab al-Buldan*, ed. M.J. de Goeje. VBA, pars 7, Lugduni-Batavorum; E.J.Brill, 1967, p. 260.

⁵² Tabari, ser. III, p. 1044 – 1045.

⁵³ al-Jakubi, *Historiae*, II, p. 561.

⁵⁴ al-Jakubi, *Kitab al-Buldan*, p. 291

⁵⁵ ал-Балазури, Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир. *Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-булдан») / Перевод с арабского, предисловие, комментарий и указатели Г.Гоибова. Душанбе: Дониш, 1987. С. 119, 430.*

⁵⁶ E de Zambaur, *Manuel de Genealogie*, p. 202.

⁵⁷ Fasmer R. *Beitschritt zur Muchammedanischen Münzkande. Numizmatik Zeitschrift*. 58, 1925, p. 53

⁵⁸ al-Jakubi, *Kitab al-Buldan*, p. 289.

⁵⁹ Ibn Naukal, p. 447.

⁶⁰ Та‘рих-и Систан (История Систана) / Перевод, введение и комментарий Л.П.Смирновой. М.: Наука, 1974. С. 217; Гардизи, Абу Са‘ид. *Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана / Перевод с персидского языка А.К.Арендса. Введение, комментарии и указатели Л.М.Епифановой. Ташкент, Фан, 1991. С. 57.*

⁶¹ E. de Zambaur. *Manuel de Genealogie*, p. 204.

294 г.), Бамиане (292 – 293 г.), Термезе (293 г.) и Хутталан (310 – 313 г.)⁶². Его сын Джа‘фар ибн Абу Джа‘фар ибн Абу Давуд в 318/930 г. был правителем Хутталана от имени Саманидов⁶³. Его сын Ахмад принимал участие в восстании 947 г. против Саманидов во главе с правителем Чаганиана Абу ‘Али Ахмадом ибн Мухаммадом ас-Сагани из династии Мухтаджидов⁶⁴. Военачальником (*сарханг*) правителя Хутталана Ахмада ибн Джа‘фара был Баджкам ат-Турки⁶⁵.

Шугнан и Бадахшан были владением некоего Хумар-бека⁶⁶. Город Бик с одноименным *рустаком* в Хутталане принадлежал тюркскому владельцу по имени Бик (*бек*) ибн ал-‘Аббас, который разводил чистокровных лошадей на берегу озера Назкул⁶². Столица Хутталана Хульбук и город Андичараг в 272 – 293 гг. были владением ал-Хариса ибн Асада ибн Бика, который был племянником Давуда ибн Абу Давуда ибн ал-‘Аббаса⁶⁷. Известны монеты ал-Хариса ибн Асада, чеканенные в Хутталане в 292 – 296/904 – 909 гг. В Термезе в 345/ г. правил амир Ак-тегин, а в 346/957-57 г. – амир Кут-тегин⁶⁸. В 324 – 326 гг. Балх был владением Билка-тегина⁶⁹, которому принадлежали также Бурдж Кишм (320 – 326 гг.) и Андараб (388 г.)⁷⁰.

Фергана была сначала владением потомков Ахмада ибн Асада⁷¹, но после смерти Нуха ибн Насра (943 – 954 гг.) эта область была передана в качестве удела во владение Аш асу ибн Мухаммаду (Куба, 355 и 359 гг.), а затем *хаджибу* Мансуру ибн Байкара (Куба, 356 г., Ахсикат, 355, 356 гг., Фергана, 358 г.)⁷². Узгенд в IX в. был владением дихкана Хур-тегина (или Чур-

⁶² Fasmer R. Beitschritt zur Muchammedanischen, s. 50 – 58.

⁶³ Ибн ал-Асир, Абу-л-Хасан ‘Али ибн Мухаммад аш-Шайбани ал-Джазари. Ал-Лубаб фи тазиб ал-ансаб, фи 3 аджа. Миср, 1356 – 1369/1937 – 1950. Т. 8. С. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963. С. 252.

⁶⁴ Бартольд В.В. Туркестан. С. 257.

⁶⁵ Гардизи. С. 73.

⁶⁶ al-Jakubi, p. 292.

⁶⁷ Hudud al-‘Alam, the regions of the world, a persian geography, translated and explained by V. Minorsky. London, 1970. p. 119; al-Istakhri., p. 339; Ibn Haukal, p. 447, 518; al-Moqaddasi, Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin, Descriptio Imperii moslemici, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni-Batavorum, 1967, p. 49, 290.

⁶⁸ Ибн Хордадбех. С. 180.

⁶⁹ Ртвеладзе Э.В. К истории Северного Тохаристана в IX – начале XIII вв. // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989. С. 99.

⁷⁰ Lowick N.M. An Early Tenth Century Hoard from Isfahan, in: NC, Seventh series, vol. 15, London: The Royal Numismatic Society, 1975, p. 143 – 144.

⁷¹ Mitchiner M. The World of Islam, Oriental Coins and their values, London: Hawkins Publications, 1977, p. 133, 147.

⁷² Быков А.А. Редкий саманидский фельс // Эпиграфика Востока, вып. 20. Л., 1971. С. 72-73.

⁷³ Давидович Е.А. Саманидские монеты Кубы // Советская археология, 1960, 2. С. 254 – 255; Давидович Е.А. Заметки по нумизматике Средней Азии. Часть 2. (Уникальные и редкие монеты Саманидов, Тимуридов и Шейбанидов) // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980. С. 127 – 128.

тегина)⁷³. В 312/924-25 г. Узгенд был владением Малика ибн Шукр-тегина, имя которого этимологизируется не от арабского слова *малик* (царь), а от тюркского имени Малик, бытовавшего среди тюрков. Имя его отца сопоставляется с тюркским именем Сункар. В 335 – 344/946 – 956 гг. ему принадлежал также Насрабад, а в 330 – 342 и 359 гг. – Фергана⁷⁴. В 372/982-83 г. Узгенд был владением Билга-тегина ибн Тогрула, которому подчинялись правители второго ранга *хаджиб* Аяч и еще один правитель с титулом *тегин*. Правителем второго ранга был Кылыч ал-хаджиб Ахмад ибн ‘Али (Ахсикат, 357, 359 гг.). На монетах Ферганы саманидского времени упоминается также такие тюркские правители как Бакр ибн Малик, *хаджиб* Таш (Фергана, 366, 367 гг.) и др.⁷⁵. Следует полагать, что многие из этих правителей принадлежали к местным владетельным династиям досаманидского происхождения, которые лишь номинально признавали центральную власть и оставались фактически независимыми⁷⁶. Некоторые из них, как например *хаджиб* Аяч, получили владение в качестве пожалования за службу. Монеты Ферганы X в. рисуют 4-х ступенчатую феодальную иерархию удельных правителей⁷⁷.

В Пайканде около 393-408 г.х. правил удельный правитель по имени Атим-тегин⁷⁸. Правители Ферганы, Хорезма, Исфиджаба, Саганиана, Хутгалана и некоторых других областей были фактически независимыми от Саманидов, и вместо налогов отправляли им только подарки⁷⁹. Некоторые из тюркских правителей Ферганы, так же как Саманиды, носили высокий титул Маула Амир ал-му’минин, т.е. «Клиент Повелителя правоверных»⁸⁰. В Хорасане правила династия Симджуридов с титулом *сипах-салар*, а затем наместником Хорасана был назначен Сабук-тегин, а после его смерти в 387/997 г. – Бектузун (387 – 389 гг.).

Данные некоторых источников свидетельствуют о том, что после завоевания Средней Азии арабами тюрки не покинули своих земель и не VIII в. на восток, как предполагалось ранее, а наоборот, они умножились как в

⁷³ Ibn Khordadbeh, p. 30; Kodama ibn Djafar, p. 208.

⁷⁴ Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 6. (Раннее средневековье, Саманиды, Караханиды). // История материальной культуры Узбекистана, вып. 19. Ташкент, 1984. С. 185 – 205.

⁷⁵ Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 9 (Саманиды, Караханиды, Ануштегиниды) // ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988. С. 191 – 205.

⁷⁶ Давидович Е.А. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным по // Эпиграфика Востока, вып. 11. М.; Л., 1956. С. 14 – 26.

⁷⁷ Давидович Е.А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии в X в. // Памятники письменности Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969. М., 1972. С. 110 – 141.

⁷⁸ Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 1. (Саманиды, Караханиды, Джаниды) // ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978. С. 123.

⁷⁹ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв.). Душанбе: Дониш, 1977. С. 127.

⁸⁰ Давидович Е.А. Монеты Ферганы. С. 111, 131, 141.

количестве, так и по своему влиянию в обществе⁸¹. В IX-X вв. основную часть городского и оседло-земледельческого населения Средней Азии, так же как и раньше, составляли тюрки, а также тюркизированные согдийцы, хорезмийцы и бактрийцы. Арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукал (X в.), бывшие современниками Саманидов, отмечают, что жители Мавераннахра были *очень привязаны к лошадям*, т.е. они употребляли в пищу лошадиное мясо в большом количестве⁸², но несмотря на это у них не ощущалось в нем нехватки, так как оно производилось у них в достаточном количестве. Кроме того, из страны *харлухов* и *гузов* привозили мулов, верблюдов, лошадей и овец в количествах, превышающих их потребности. У них также выращивается много овец и у них всегда в избытке и слишком много скота⁸³. В Фергане и Шаше даже простой подданный может иметь от 100 до 500, и даже до 520 лошадей, хотя он и не является султаном. Никто не выходит из города в пустыню так много, как они⁸⁴. Мясо было настолько дешевым, что за один дирхам можно было купить 4 мины чистого мяса, освобожденного от костей⁸⁵.

Известно, что в древности культ коня и коневодство были развиты у индоевропейских, в частности, индоарийских народов⁸⁶, у которых эту культуру заимствовали угорские народы⁸⁷. Коневодство было развито и в древнем Эламе, где найдена табличка первой половины V тыс. до н.э. с изображением лошади, которая представляет собой самое древнее свидетельство существования лошади вообще⁸⁸. В местности Халлур в Индии были обна-

⁸¹ Frye R.N., Sayili A.M. The Turks in Khorasan and Transoxania at the time of the Arab conquest, in: *The Moslem World XXXV*, Hartford, 1945, p. 312.

⁸² В тексте: اما اولدا ب فاهيف من النتج ما فيه كفا يتهم
على كثرة ارتبا مهط اهل (مع كثرة ارتبا مهط اهل

В русском и французском переводах этот текст переведен следующим образом: «*Что касается лошадей, то они производят их в достаточном для свои [нужд] количестве, хотя они много используют их для своих нужд . . .*» (здесь вторая часть предложения логически не связана с первой). См.: Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля // Труды Среднеазиатского Государственного университета. Выпуск IV. Археология Средней Азии. Ташкент, 1957. С. 13 – 38; Ibn Hawqal. La Configuration de la terre (Kitab surat al-ard), Introduction et traduction par J.H.Kramers et G.Wiet, Preface de Andre Miquel, tome II, p, 447. По нашему мнению, этот текст следует понимать следующим образом: «*Что касается лошадей, то они производят их в достаточном для своих [нужд] количестве, несмотря на то, что они очень привязаны к ним . . .*», т.е. они очень любят употреблять мясо лошадей, отчего их количество постоянно уменьшается.

⁸³ al-Istakhri, p. 288; Ibn Naukal, p. 464.

⁸⁴ Ibn Naukal, p. 468.

⁸⁵ Баргольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С. 234.

⁸⁶ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ирано-язычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1977. С. 28 – 52; Трубочев О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология. 1986 – 1990. Сборник научных трудов. М.: Наука, 1993. С. 12 – 27.

⁸⁷ Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука ЛО, 1985. С. 186.

⁸⁸ Табличка является официальным документом, посвященным хозяйственным вопросам,

ружены кости лошади в слоях неолита, что не соответствует традиционному мнению, что лошадь и колесница были привнесены в Индию арийскими племенами⁸⁹. Не менее богатые традиции коневодства были и у тюркских народов, среди которых был распространен и культ коня⁹⁰. Центральная Азия была одним из центров, где происходил процесс доместификации лошади. Кельто-германская изоглосса одного из названий лошади (*markos, marka*) имеет ассоциации с монгольским, локализуемым в древности в Забайкалье⁹¹. В поселении Ботай эпохи энеолита на севере Казахстана, найдены костные останки лошади *тарпан*, датируемые концом IV – началом III тысячелетия до н.э. В I тысячелетии до н.э. конница составляла основу военной силы древних *хуннов* и, поэтому, основным их богатством были кони⁹². Лошадь всегда занимала главное место в хозяйстве тюркских народов. В «Авесте» среднеазиатские племена *туров*, которые были врагами иранцев, называются эпитетом *асу-аспа*, т.е. «обладатель быстроходных коней», а имя легендарного царя Турана Арджат-аспа (в «Шахнаме» – Арджаспа) означает «обладатель прекрасных или благородных коней»⁹³. Среди подарков, который Афрасиаб отправил Рустаму, упоминаются много коней и мулов. Рустам, разорив Туран, возвращается в Иран и везет шаху табуны туранских коней, 10 тысяч рабов и рабынь, прославленную пVIIIнину, соболей, песцев, горностаев, благовония, золото, узорные ковры, оружие, престолы, венцы⁹⁴. Согласно Геродоту, *массагеты* из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы таков, что быстрейшему из всех богов они посвящают быстрейшее животное⁹⁵.

Культ коня был распространен также в Китае, где высоко ценились «небесные» кони Средней Азии, которые живут на вершине горы и их невозможно поймать. Есть мнение, что китайские мифы о «небесных» конях

и был снабжен печатями, которые могли принадлежать коневодам. См.: Хинц В. Государство Элам / Перевод с немецкого Л.Л.Шишкиной. М.: Наука, 1977.. С. 25.

⁸⁹ Алур К.Р. Находки костей лошади в доарийских археологических комплексах Индии // Древние культуры Средней Азии и Индии. М., 1984. С. 134 – 136.

⁹⁰ В источниках зафиксированы факты почитания коня среди финно-угорских и тюркских народов Кавказа в конце VII в., среди народов Среднего Поволжья в середине века вплоть до XVIII в., а среди алтайских тюрков вплоть до наших дней. См.: Boyle J.A. A Form of horse sacrifice amongst the 13th – and 14th century Mongols, in: Central Asiatic Journal, vol. 10, 1, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965, p. 149, 150; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ирано-язычных племен. С. 44 – 45.

⁹¹ Трубачев О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема. С. 18.

⁹² Нестеров С.П. Конь в культах тюрко-язычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука СО, 1990. С. 39, 103.

⁹³ Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии. С. 88, 159.

⁹⁴ Пугаченкова Г.А. Шах-наме как источник к познанию доисламской материальной и художественной культуры Ирана и Турана // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999. С. 198 – 212; Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1986. С. 208, 210.

⁹⁵ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Ишнова И.А. Народы нашей страны а «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий / Отв. ред. В.Т.Пашута. М., 1982. С.

были заимствованы из общеиндоевропейского круга представлений⁹⁶. На наш взгляд, эти легенды могли быть заимствованы, скорее всего, у тюркских народов, с которыми китайцы с древнейших времен имели близкие контакты и разносторонние связи. По крайней мере, начиная со второй половины III тыс до н.э. долину реки Хуанхэ, бывшей колыбелью китайской цивилизации, со всех сторон окружали скотоводческие племена и, *жун, ди, дин-лин, рунг-ди* и др, многие из которых были тюрко-язычными⁹⁷. Прямым потомком всемирно известных коней «нисейской» породы является ахалтекинская порода туркменских лошадей⁹⁸. На стенке одного оссуария из Южного Согда изображен царь в короне, сидящий на ковре зооморфного трона, основанного на двух баранах, и жрец, стоящий у алтаря и приносящий жертву огню. Над ним склонил голову конь в узде с седлом и со стремянами⁹⁹.

Для погребального обряда тюрков Горного Алтая, Казахстана и Верхней Оби «раннескифского» (IX–VI вв. до н.э.) и «пазырыкского» времени (V–I вв. до н.э.), а также других сменявших их культур вплоть до времени тюрков-Ашина, были характерны захоронения коня или отдельных частей его тVIIIII вместе с погребением человека¹⁰⁰. Предполагается, что захоронения с конем принадлежали не тюркам-Ашина, которые практиковали обряд трупосожжения, а другим тюрко-язычным племенам *теле*¹⁰¹. Образ коня – транспорта в путешествии в загробный мир запечатлен также в надмогильных памятниках древних тюрков¹⁰².

В эпоху раннего средневековья кони составляли основной предмет экспорта почти всех тюркских племен¹⁰³. Тюрки были главными поставщиками коней в Китай и каждый год пригоняли сюда как минимум 3 – 4 тысячи¹⁰⁴, а

⁹⁶ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен. С. 45.

⁹⁷ Крюков М.В. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II – I тыс. до н.э. // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 34 – 45; Ходжаев А. Сведения китайских источников о тюрках во II и I тыс. до н.э. // Материалы Международной научно-практической конференции «Взаимодействие Казахстана с сопредельными странами в XVIII – начале XIX вв.: современный взгляд на проблему. Актобе, 2004. С. 16 – 22..

⁹⁸ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен. С. 28.

⁹⁹ Крашенинникова Н.И. Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). ТД советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент, 1986. С. 45 – 46.

¹⁰⁰ Маликов А.М. Тюрки в Среднеазиатском Междуречье в VI – VIII вв. // O'zbekiston moddiy madaniyati tarixi (ИМКУ), вып. 31. Самарканд, 2000. С. 6 – 7.

¹⁰¹ Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // ТС. 1972 г. М., 1973. С. 351 – 374.

¹⁰² Маликов А.М. Тюрки в Среднеазиатском Междуречье в VI – VIII вв. С. 18.

¹⁰³ В китайских источниках перечисляются названия более 40 тюркских племен, которые поставляли коней различных пород в качестве даров китайскому двору.. См.: Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII – X вв. Танхуйяо) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 93 – 140..

¹⁰⁴ Хужаев А. Буюк Ипак йулида ипак матолар ва от савдолари // Шаркшунослик, 11.

то и 6 тысяч голов¹⁰⁵. Традиции коневодства сохранялись у тюрков и в последующие века вплоть до нашего времени¹⁰⁶. Арабский поэт ал-Джахиз (IX в.) давая характеристику тюркам, писал: «Тюркок – он одновременно пастух, конюх, объезжающий лошадей, торговец лошадьми, ветеринар и всадник . . .»¹⁰⁷ Ал-Мас‘уди пишет, что царя *токуз-огузов* называли *малик ал-хайл*, т.е. «царем коней», он был самым великим из тюркских царей, потому что он имел столько лошадей, сколько не имеет ни один другой царь в мире¹⁰⁸.

Происхождение многих кипчакских этнонимов связано с названиями пород и мастей лошадей¹⁰⁹, что позволяет предполагать, что *кипчаки* в древности считали коня «священным животным» (тотемом) и поклонялись ему¹¹⁰. В верховьях реки Йаксарт на ее правом побережье, согласно Птолемею, проживал народ *Saratae*¹¹¹, т.е. Каратай, что в переводе с тюркского означает «вороной жеребец»¹¹². В начале XX в. в верховьях реки Нарын зафиксировано урочище по названию Тулпарташ¹¹³. Изображение коней является наиболее излюбленным сюжетом тюркского искусства и встречается на многих предметах изобразительного и скульптурного искусства тюрков. Так, изображение коней имеется в уйгурских росписях Безеклик, тамги многих тюркских правителей представляют схематическое изображение лошади, некоторые буквы рунического алфавита включают идеограммы, связанные с названиями лошадей и т.п.¹¹⁴

Так же как и в гидронимии (река – вода), первоначальные названия многих родов и племен в порядке мифологических представлений были связаны с различными образами племенных животных и в первую очередь

Тошкент: Фан, 2002. С. 114.

¹⁰⁵ В 627 г. западные тюрки поставили сразу 6 тысяч лошадей. См.: Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М.: Наука, 1981. С. 87.

¹⁰⁶ В словарном составе киргизского языка насчитывается около 200 тысяч терминов, связанных с коневодством. См.: Абдувалиев И. О происхождении некоторых конно-спортивных терминов в киргизском языке // Вопросы тюркского языкознания. Алма-Ата: Наука, 1985. С.35 – 40.

¹⁰⁷ al-Djahiz, Abu Othman Amr ibn Bahr Basrensi, *Tria opuscula*, ed. G.van Vloten, (edition photomechanice iterate), Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1968, p. 28 – 29.

¹⁰⁸ al-Masudi, *Kitab at-tanbih wa-l-ishraf*, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 8, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1967, p.

¹⁰⁹ Например, Ала-байтал (Кобыла смешанной масти), Кара-байтал (Кобыла черной масти), Турт айгыр (Четыре жеребца), Саман атлы (Владелец вороного коня, Етти кашка (Семь пятен на лбу), Тури сари (Желтая лошадь), Кулан (Дикий конь), Конгур-ат (Гнедой конь) и др.

¹¹⁰ Ахунов Н.О. Этнопонимы – важный исторический источник // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV – XIX вв. Ташкент: Фан, 1987. С. 90 – 91.

¹¹¹ *Tabulae Geographicae Cl. Ptolemaei ad mentem auctoris restitutaе et emendatae, per Gerardum Mercatorem illustriss. Ducis cliviaecosmographum, Colonia Lalendis Julij, 1583, Asiae VII Tab.*

¹¹² Ахмедов А.А. Сведения о тюркских народах в трудах Хорезми // ОНУ, 1987, № 3. С. 60.

¹¹³ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 1. С. 261.

¹¹⁴ Esin E. The Horse in Tutkic Art, in: *Central Asiatic Journal*, vol. 10, 1965, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, p. 170, 196, 201 – 223.

тотемных¹¹⁵. Поэтому многие родовые имена племен и народов Сибири, а также индейцев Америки восходят к тотемам (конь, волк, медведь, орел, змея и др.)¹¹⁶. Тотемом древних хуннов был бык (огуз) или олень¹¹⁷, а тюрков-Ашина – волк¹¹⁸. Тотемом чигилей был *арслан* (лев), а ягма – *бугра* (верблюд), которые одновременно служили им в качестве титулов правителей (Арслан-хан, Бугра-хан)¹¹⁹. Согласно шаманской мифологии тюрко-монгольских народов, у каждого племени и рода был свой онгон, который олицетворял духов умерших предков тотемного (волк, медведь, конь и др.) и антропоморфного происхождения¹²⁰.

При раскопках кVIIIшанских поселений Бактрии обнаружены фигурки коней, баранов, слонов и других животных, а также рельефные изображения львов, обезьянок, козлов, ежей и кошачьих хищников¹²¹. В орнаментации бронзового котла хуннов V-III вв. до н.э. из Ферганы имеются изображения животных (тотем) и больших кругов (символ неба), что связывается с культом космическим, сочетавшимся с культом животных¹²². В кургане Исык, датирующимся V в. до н.э., найдено 165 золотых изделий искусства, выполненных в зверином стиле: лев, тигр, барс, волк, лиса, лошадь, кабан, лось, олень, архар, заяц, голубь, цапля, змея и т.д.¹²³ При раскопках дворцового комплекса III-V вв. на городище Еркурган найдены терракотовые статуэтки, изображения животных и птиц – верблюда, барана, собаки, орла¹²⁴. Предполагается, что скульптурные и рельефные изображения животных, в частности барана, могли служить племенными и родовыми эмблемами¹²⁵. Изображения животных (двугорбые верблюды, козлы, грызуны, птицы, кабаны, скачущие кони) наносились и на перстнях с печатями¹²⁶. Согласно «Шах-наме», богаты-

¹¹⁵ Логашова Дж.Б. Из топонимии Каспийского моря (О названии реки Атрек) // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 77.

¹¹⁶ Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 17.

¹¹⁷ Боргояков М.И. Гунно-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология, 1976, 3. С. 55 – 59..

¹¹⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1953. Т. 1. С. 220, 229, 290; Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока, вып. 2. География, этнография, история. М., 1961. С. 103 – 104.; Урманчиев Ф. По следам Белого Волка // СТ, 1978, 6. С. 12 – 23.

¹¹⁹ Шаниязов К. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа // ОНУ, 1981, № 6. С. 33.

¹²⁰ Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. М., 1991. Т. 2. С. 255 – 256.

¹²¹ Абдуллаев К.А., Завьялов В.А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА, 1985, 1.. С. 202.

¹²² Рутковская Л.М. Бронзовый котел из Ферганы // Труды САГУ. Новая серия, вып. 81. Исторические науки, кн. 12. Археология Средней Азии. Ташкент, 1956. С. 41 – 46.

¹²³ Акишев К.А. Курган Исык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. С. 64.

¹²⁴ Сулейманов Р.Х., Нефедов Н.Ю. Предварительные результаты раскопок дворца Еркургана // ИМКУ, вып. 16. Ташкент, 1982. С. 51.

¹²⁵ Нильсен В.А. Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.) // ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959. С. 74.

¹²⁶ Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII – VIII вв.) // Труды

ри Ирана и Турана имели свои стяги с изображениями животных, которые вероятно были связаны с какими-то очень древними племенными тотемами¹²⁷. Распространение зооморфных изображений на предметах культа связывается с идеологическими представлениями кVIIIанских и кангюйских племен¹²⁸.

В Самарканде на площадях стояли скульптурные изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз, вырезанные из дерева¹²⁹. В окрестностях Самарканда юyla найдена отлитая из бронзы нога верблюда. Эта нога была фрагментом большого, близкого к натуральной величине верблюда¹³⁰. В районе Канибадама у реки Исфара-сай были найдены две бронзовых головки скульптур дикого барана близкими к натуральной величине¹³¹.

На некоторых ранних монетах, выпускавшихся в различных городах Средней Азии (IV-V вв.), имеются изображения животных – льва, коня, верблюда, оленя, полуфантастического хищника и др. Так, на монетах VI в. из Ферганы, Южного Согда, Самарканда, Пенджикента и Отрара встречается изображение коня, которое связывается с культом коня, широко распространенном среди народов Средней Азии, в т.ч. и среди тюрков, особенно в Фергане. Возможно, что в отдельных случаях изображение коня служило городским гербом¹³². Изображения коня встречаются также на монетах Чача, Нахшаба, Чаганиана и Тохаристана¹³³. На городище Зартепа в Ангорском районе области Термеза найден фрагмент терракотовой статуэтки коня, датирующейся III-IV вв. н.э.¹³⁴ В средневековых слоях городища древнего Амула найдена терракотовая фигурка коня из глины¹³⁵. В нижних слоях Китаба (II-I вв. до н.э.) найдены терракотовые статуэтки крылатого коня, лошадки, лошадки с всадником и всадника¹³⁶. В буддийском храме VII – VIII в. в Куве найдена статуя коня¹³⁷. На монетах Караханидов также наносились

Таджикской археологической экспедиции. Т. 4. С. 268.

¹²⁷ Пугаченкова Г.А. Шах-наме как источник к познанию доисламской материальной и художественной культуры. С. 207.

¹²⁸ Кабанов С.К. Раскопки сельского поселения III – V вв. близ Карши // СА, 1978, 1. С. 190.

¹²⁹ Ibn Naukal, p. 365; Шишкин В.А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 189.

¹³⁰ Шишкин В.А. Варахша. С. 203.

¹³¹ Негматов Н.Н. Мирбабаев А.К. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины // АРТ, вып.19 (1979 г.). Душанбе, 1986. С. 413.

¹³² Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. С. 26 – 27.

¹³³ Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI – X вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). Автореферат диссертации . . . кандидата исторических наук. Ташкент, 1995. С. 15.

¹³⁴ Пидаев Ш.Р. Раскопки буддийской ступы у городища Зартепа // ОНУ, 1986, № 4. С. 51.

¹³⁵ Трапезников Г.Е. Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля) // СА, 1959, № 1. С. 270.

¹³⁶ Крашенинникова Н.И. Два комплекса керамики 11 – I вв. до н.э. из нижних слоев Китаба // Труды ТашГУ, 533. Ташкент, 1977. С. 86, 91.

¹³⁷ Булатова-Левина В.А. Буддийский храм в Куве // СА, 1961, 3. С. 249.

изображения животных: зайца, петуха, голубя, птицы с птенцом, птицы с цветком, рыбы¹³⁸.

В Средней Азии крупным центром коневодства была Давань, т.е. Ферганская долина, где в древности разводились так называемые чистокровные «небесные кони», получившие широкую известность в древнем Китае¹³⁹. У селения Араван в 25 км от Оша, недалеко от городища Мархамат, где локализуется древняя столица Давани город Эрши, найдены крупные наскальные изображения двух пар этих знаменитых «даваньских» лошадей, которые считались священными и почитались местным населением даже в средние века¹⁴⁰. Такие же изображения меньших размеров найдены на правом берегу Араван-сая недалеко от Науката и в 5 км к югу от сеоения Кок-Джар в долине реки Абишир-сай. В 8 км от г. Ош на склоне горы Сурат-таш известнякового массива Орта-Тоо имеется около 90 наскальных изображений даваньских лошадей¹⁴¹. Подобные наскальные изображения лошадей имеются также в долине Катта-Данги в Наукате¹⁴². Концентрация памятников указывает, что именно эти предгорные районы являлись центром коневодства древней Ферганы. На городище Шурабашат были незастроенные участки, занимавшие площадь около 30 га, которые могли быть использованы как загоны для лошадей¹⁴³. Тип лошади наскальных рисунков имеет поразительное сходство с изображениями «небесных» лошадей на китайской черепице, датируемой II-I вв. до н.э.¹⁴⁴ Близкую параллель наскальным рисункам Саймалы-таш дают рисунки урочища Теке-таш в Маргусарских горах за Джиззаком¹⁴⁵. В VII в. такую же разновидность коней в большом количестве поставляло китайскому двору государство Кангюй¹⁴⁶.

Среди многочисленных петроглифов с изображением коней, исследован-

¹³⁸ Кочнев Б.Д. Караханидские монеты. С. 14.

¹³⁹ Сыма Цзянь. Исторические записки. («Ши Цзи») / Перевод с китайского и комментарии Р.В.Вяткина и В.С.Таскина. В 5 томах. М., 1972 – 1987. Т. 4. С. 72; Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. 2. С. 149, 161 – 166, 187; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. 1961. С. 104, 117, 122, 123, 131; Малавкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука СО, 1989. С. 51, 57, 58, 78.

¹⁴⁰ Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши // СЭ, 1948, № 4. С. 155 – 161; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (МИА СССР, № 26). М.; Л., Изд-во АН СССР, 1952. С. 222 – 228.

¹⁴¹ Ошская область. Энциклопедия. Фрунзе, 1987. С. 171, 190, 318, 391. (543)

¹⁴² Дружинина Е.В., Заднепровский Ю.А. Исследования в Южной Киргизии // АО 1974 года. М., 1975. С. 553 – 554.

¹⁴³ Заднепровский Ю.А. Фергана в античную эпоху (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 309.

¹⁴⁴ Заднепровский Ю.А. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымчатая (Фергана) // СЭ, 1962, 5. С. 128.

¹⁴⁵ Пугаченков Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. С. 15.

¹⁴⁶ Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. С. 98.

ных в долинах горного Алтая имеются рисунки, натурой которым служили крупные высокопородистые боевые кони с выстриженными гривами¹⁴⁷, которые могут быть сопоставлены с породой «небесных коней» китайских источников. В курганах урочища Пазырык на Алтае, датирующихся V-IV вв. до н.э., было найдено 10 хорошо сохранившихся в мерзлоте конских трупов. Порода этих лошадей была определена как имеющая аналогию с породой ахалтекинских туркменок, которая была известна в Китае¹⁴⁸. Тюрки называли таких чистокровных верховых лошадей особой породы *аргамаками*¹⁴⁹, что этимологизируется на основе тюркского языка¹⁵⁰. В тюркской мифологии сохранились легенды о небесных конях-драконах, охраняющих водные источники и выходы минералов, которые имеют близкое сходство с легендами о бактрийских и ферганских небесных конях, что указывает на общность их происхождения¹⁵¹. С Ферганой (Исфара) связывается выпуск древнейших экземпляров тюрко-согдийских монет с изображением коня¹⁵². Коневодство было развито и *усуней*, где богатые люди имели от 4-х до 5 тысяч голов¹⁵³. По данным Хуэй Чао (726 г.), Фергана славилась своими верблюдами, мулами, овцами и лошадьми, т.е. описывается как страна преимущественно скотоводческая. Такой же описывается и Гандхара, тюркские правитель которой владел пятью слонами и лошадьми без числа, много верблюдов, мулов и ослов. В начале VIII в. скотоводство было основным занятием тюрков Ферганы¹⁵⁴. Еще в начале XX в. восточная часть Ферганской долины была крупным центром разведения лошадей кыргызской породы¹⁵⁵.

Еще одним центром коневодства был Хутталан, где чистокровные лошади разводились с древнейших времен и были основным предметом вывоза¹⁵⁶. Среди изображений животных, представленных в «Амударьинском кладе» золотых изделий превалирует изображение лошади с весьма четкими особенностями породы, что свидетельствует о том, что эти изделия были изготовлены в области с развитым коневодством¹⁵⁷. Изображение хутталь-

¹⁴⁷ Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, 2001, № 4 (8). С. 95 – 107.

¹⁴⁸ Файзрахманов Г. Древние тюрки Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000. С. 33.

¹⁴⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. 2. С. 149, 162 – 166.

¹⁵⁰ Севортян Э.В. Тюркские этимологии // Тюркологические исследования. Сборник статей, посвященный 80-летию академика К.К.Юдахина. Фрунзе: Илим, 1970. С. 32.

¹⁵¹ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ирано-язычных племен. С. 45.

¹⁵² Смирнова О.И. К имени Алмышы, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник, 1977 г. М., 1981. С. 253.

¹⁵³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. 2. С. 160.

¹⁵⁴ Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ, 1952, № 1. С. 190, 193, 194.

¹⁵⁵ Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. Скобелев, 1912. С. 49 – 50.

¹⁵⁶ Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // Труды СТАЭ. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 112.

¹⁵⁷ Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя. С. 109.

ской лошади четко выраженной породы имеется и на памятниках греко-бактрийского искусства¹⁵⁸. Конь был самым распространенным сюжетом в изображениях на вIIIшанских памятниках правобережной Бактрии¹⁵⁹.

По данным китайских источников, в стране Kou-tou-lo (Хуттал) было много превосходных лошадей¹⁶⁰. На севере страны Т'ou-ho-lo (Тохаристан) была гора Р'о-li (Байсун), на южной стороне которой в одной пещере находился божественный конь. Люди этой страны желали пасти своих кобылиц по соседству с ним, чтобы от них рождались жеребцы, имеющие свойство потеть кровью. Царь этой страны имел титул *che-hou* (джабгу)¹⁶¹.

В средние века в Хутталане находился город *Рустак Бик*, тюркский владетель которого по имени Бик (*бек*) разводил чистокровных лошадей на берегу озера Назкул¹⁶². Предание о лошадях, рожденных из воды, было известно в различных частях Туркестана¹⁶³. На городище Хульбук найдено большое блюдо с изображением хутталской лошади¹⁶⁴. Название Хутталан связывается с тюркским народом *хутталах*, которые были самыми сильными из всех тюрков и употребляли в пищу жеребят¹⁶⁵. Кони были основным предметом экспорта всего Тохаристана¹⁶⁶.

Коневодство было развито и в соседней с Хутталаном области Чаганиан. На городище Афрасиаб в Самарканде в настенных росписях главного тронного зала во дворце правителя VI-VII вв. изображена сцена торжественного приема иностранных посольств, прибывших к царю Согда Вархуману (правил около 650-696 гг.). На поле халата одного из послов нанесены бактрийская и согдийская надписи из 16 строк, из которых следует, что они прибыли от царя Чагана по имени Туранташ¹⁶⁷. Среди даров, которые посольство Чаганиана преподнесло царю Согда, упоминается табун чистокровных лошадей¹⁶⁸. В X в. в табунах Мухтаджидов Саганиана насчитывалось 18 тысяч кобылиц, каждая с жеребенком¹⁶⁹.

¹⁵⁸ Древние авторы о Средней Азии. (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Хрестоматия. Под ред. Л.В.Баженова. Ташкент: Изд-во АН Уз, 1940. С. 86.

¹⁵⁹ Абдуллаев К.А., Завьялов В.А. Сосуды на зооморфных подставках. С. 208.

¹⁶⁰ Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903, p. 168.

¹⁶¹ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue, p. 155.

¹⁶² Hudud al-'Alam. p. 119; al-Istakhri., p. 339; Ibn Haukal, p. 447, 518; al-Moqaddasi, p. 290.

¹⁶³ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. С. 89.

¹⁶⁴ Гулямова Э. Хульбук – столица Хутталя. Душанбе: Ирфон, 1969. С. 66.

¹⁶⁵ ал-Бакуви, 'Абд ар-Рашид. Китаб талхис ал-асар ва 'аджа'иб ал-малик ал-каххар (Сокращение книги о «памятниках» и чудеса царя могучего) / Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложение З.М.Буниязова. М.: Наука, 1971. С. 104.

¹⁶⁶ Hudud al-'Alam. p. 108; Al-Tha'alibi, The Lata'if al-ma'arif, The Book of curious and entertaining information, translated with introduction and notes by C.E.Bosworth, Edinburgh: The University Press, 1968, p. 137, 145.

¹⁶⁷ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Т.: Фан, 1975. С. 55.

¹⁶⁸ Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1986. С. 156.

¹⁶⁹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы / Перевод с

Стада верблюдов и овец преобладали и в других областях Средней Азии, в частности в области Нахшаба, Балха, в Джузджане, Тохаристане и др.¹⁷⁰ Такое же положение отмечалось и в XV в., когда основным богатством населения Мавераннахра называются лошади и скот. Здесь производили из верблюжьей шерсти великолепные куртки, которые пользовались спросом во всех странах и вывозились на экспорт¹⁷¹. В XVII в. основным товаром Нахшаба были быстроходные верблюды, зеленая и черная каракулевая шкура и рабы¹⁷². Развитое скотоводство отмечается и в Хорезме, где, где так же как в Туркестане, овца ежегодно рождает по 6 – 7 ягнят, из которых оставляют только два, а остальных используют для изготовления специального сорта шкуры с красным и темно красным оттенком¹⁷³. В Кокчетавской области разводили коней кипчакской породы, славившихся своей красотой и происходивших от породы знаменитых туркменских скакунов¹⁷⁴.

В то же время согдийцы больше прославились в качестве торговцев, чем всадников¹⁷⁵. Бедность иранской терминологии, связанной с лошадей, говорит о том, что оседлые ирано-язычные народы никогда не занимались коневодством, получая лошадей и ослов у своих соседей тюрко-язычных скотоводческих племен¹⁷⁶. Более того, они никогда не употребляли в пищу конину.

Из всех народов, проживавших на территории Средней Азии¹⁷⁷ в средние века конину употребляли только тюрки. По данным китайских источников, в VI в. в столице владения Ши (Шаш) был храм культа предков, которому владетель и вельможи преподносили в жертву конское мясо, которое они затем все вместе съедали¹⁷⁸. В древнетюркском документе из Согда (нач. VIII в.) речь идет о красно-желтых пятнистых лошадях, которые выращивались

персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной. М., 1963. С. 68, 70; Баевский С.И., Ворожейкина З.Н. «Собрание редкостей» Низами Арузи Самарканди как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана X – XII вв. (Обычай. Реалии) // Палестинский сборник, вып. 21 (84). Ближний Восток и Иран. Л., 1970. С. 34 – 45.

¹⁷⁰ Ibn Naukal, p. 503.

¹⁷¹ Буриев. О. Темурийлар даври ёзма манбаларида Марказий Осиё (тарихий-географик лавхалар). Тошкент: Узбекистон, 1997. С. 75.

¹⁷² Махзмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) / Введение, перевод, примечания, указатели Б.А.Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977. С. 79.

¹⁷³ Здесь, вероятно, имеется в виду сорт, известный в настоящее время как «каракуль». См.: Ibn Naukal, p. 106 – 107.

¹⁷⁴ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5 томах. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 4. С. 270.

¹⁷⁵ аль-Исфахани, Абу-ль-Фарадж. Книга песен / Перевод с арабского А.Б.Халидова, Б.Я.Шидфар. М.: Наука, 1980. С. 190.

¹⁷⁶ Маршак Б.И., Распопова В.И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 418.

¹⁷⁷ В эпоху Арабского халифата (VIII – начало XIII вв.) на территории Средней Азии кроме тюрков и тюркизированных согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев проживали также арабы, персы, иудеи, сирийцы, индусы и памирские народности.

¹⁷⁸ Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача // O'zbekiston tarixi, 2002, 3. С. 18.

для употребления в пищу¹⁷⁹. Ал-Йа‘куби отмечает, что жители Туркестана пьют молоко кобылиц и едят их мясо¹⁸⁰. Согласно Ибн Фадлану, у огузов закалывание коней было частью их похоронного обряда. После сооружения кургана они убивали одну или двести лошадей в зависимости от богатства покойного, съедали их мясо и оставляли только голову, ноги и хвост со шкурой. Шкуры растягивали на деревянных сооружениях, говоря, что это лошади, на которых умерший поедет в рай¹⁸¹. Автор XII в. отмечает, что все тюрки едят конину, предпочитая ее баранине и говядине, и выращивают лошадей и буйволов для убоя¹⁸². В XIV в. основным продуктом питания жителей Хорезма и окружающих его степей была конина¹⁸³. Даже Египте при мамлюках на мясо наряду с коровами и баранами стали забивать лошадей и научились изготавливать кумыс¹⁸⁴.

Таким образом, данные ал-Истахри и Ибн Хаукала позволяют с достаточным основанием предполагать, что в IX-X вв. при Саманидах значительную часть местного населения Средней Азии составляли тюрки, занимавшиеся разведением лошадей и употреблявшие в пищу конину в больших количествах¹⁸⁵. Эти данные полностью противоречат общепринятому в настоящее время ошибочному представлению, будто бы в эпоху Саманидов основную часть населения Средней Азии составляли ирано-язычные народы. Следовательно, в свете новых данных, которые подтверждаются сведениями других источников, а также данными археологических и топонимо-лингвистических исследований, можно считать, что в средние века тюрко-язычные народы, так же как в эпоху раннего и более позднего средневековья, составляли большинство населения Средней Азии.

---

¹⁷⁹ Бернштам А.Н. Древнетюркский документ из Согда // Эпиграфика Востока, вып. 5, М.; Л., 1951. С. 71.

¹⁸⁰ al-Jakubi, p. 295.

¹⁸¹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий под редакцией И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 63.

¹⁸² Ал-Идриси. Китаб нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак (Развлечение истомленного и странствование по областям [Вселенной]) / Перевод с арабского Ш.Закирова // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2003. С. 56, 60.

¹⁸³ Из сочинения Ибн Фадлаллаха ал-Омари (XIV в.) // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские источники. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В.Г.Тизенгаузена. Составление, вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. М., 2003. С. 102; Из описания путешествий Ибн Батуты // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские источники. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В.Г.Тизенгаузена. Составление, вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. М., 2003.. С. 128, 129, 139, 141.

¹⁸⁴ Амин ал-Холи. Связи между Египтом и Волгой в XIII – XIV вв. Сокращенный перевод с арабского. М.: Наука, 1962. С. 23.

¹⁸⁵ В средние века конину употребляли не только кочевые тюрки, но также оседло-земледельческие и городские тюрки. Что касается персов, согдийцев и других иранских народов, то они, также как арабы, сирийцы и иудеи, как известно, конину вообще никогда не употребляли.